

Георгий Анчабадзе

МАССОВЫЙ ТЕРРОР В СССР. ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Публикация имеет форму мемуаров. Автор использует профессию историка для реконструкции судьбы своей семьи в историческом контексте первой половины XX в. Биографии отдельных лиц вписаны в историю Грузии от распада Российской империи до постепенного установления тоталитарного режима в период между двумя мировыми войнами. Особое внимание уделено судьбе интеллигенции Абхазии во времена массового террора 1930-х годов в Грузинской ССР и Автономной Республике Абхазия в ее составе. Сведения о трагической судьбе отдельных жертв государственного терроризма помогают глубже осознать масштабы и содержание политических репрессий в условиях тоталитаризма. Личный взгляд на события почти столетней давности приближает их к современности.

Ключевые слова: Грузинская ССР, Автономная республика Абхазия, семья Анчабадзе, тоталитарный режим, репрессии.

Пропонована читачеві стаття професора Державного університету Ілії (Тбілісі, Грузія) Георгія Анчабадзе присвячена трагічній долі великої родини його прадіда, яка потрапила в жорна «великого терору» в СРСР другої половини 1930-х рр. Хоча перебіг та наслідки цього жахливого експерименту Сталіна в масштабах всієї величезної країни висвітлені у великій кількості наукової та мемуарної літератури, поява цієї статті додає до її відтворення промовисті та дуже важливі деталі.

Автор статті хоч й народився у 1949 р., проте з розповідей своїх рідних та свідчень деяких мемуарних джерел знав про подробиці трагічної долі свого діда і бабці, інших представників колись численного роду Анчабадзе. Провина за їх загибель цілком лежить на тогочасному керівникові Радянського Союзу Йосифові Сталіні, який трансформував диктатуру більшовицької партії в країні у свою особисту, нічим не обмежену владу та прищепив до сьогодні репродукований у Росії та росіянах вірус рабської покори перед апріорі злочинною владою.

Звернення Г. Анчабадзе до драматичних колізій в житті його предків є тим більш цінним, бо дозволяє на прикладі однієї родини осмислити той невимовний жах, який охопив населення, напевно, цілої Країни Рад, без різниці соціального походження та статусу, національності, освітнього цензу та заслуг у минулому. Ця стаття ще раз переконує, що зусилля істориків у викритті злочинів сталінського режиму мають тривати й надалі, а ім'я його творця й очільника — віднесене до числа найбільших тиранів, не засуджених земним судом.

Ігор Срібняк

* * *

О массовом терроре как системе государственного управления в Советской России и СССР написано много, хотя основные исследования по этому вопросу, надо полагать, еще ждут своего часа. Беспрецедентные по масштабам репрессии, начавшиеся после прихода к власти большевиков в 1917 г., продолжались до 1953 г., охватив (в прямом или переносном смысле) практически все население Советского Союза. За огромным числом казненных и осужденных по политическим мотивам, погибших на этапе, в лагерях и ссылке от жестокого обращения, голода и лишения стоят судьбы конкретных людей и семей. Сведения о трагической судьбе отдельных жертв государственного террора помогают осмыслить характер

политических репрессий не в меньшей степени, чем сухие цифры статистических данных. Автор настоящей статьи на примере истории своей семьи рассказывает о массовом терроре 1930-х гг. в Грузинской ССР и входившей в ее состав Автономной Республике Абхазия.

* * *

Я родился в городе Тбилиси в 1949 г. Оба моих родителя были из незаконно репрессированных семей (впоследствии реабилитированных) и, наверное, поэтому я с ранних лет знал про злоедей 1937 г.; слышал о ночных вторжениях чекистов в жилища мирных людей, арестах и пытках заключенных. Как в целом в Грузии, так и в Абхазии карательные органы действовали со всей жестокостью, фактически уничтожая передовые культурные

слои населения. Аналогичная ситуация была и в других частях Советского Союза. Удар, нанесенный государством своему народу в 20–30-е годы XX в., крайне негативно отразился на развитии общества. Его последствия сказываются на нас даже в настоящее время.

Большая семья моего прадеда, отставного подполковника царской армии Тараса Анчабадзе проживала в столице Абхазии, городе Сухуми. У Тараса Зурабовича и его супруги, Марии Николаевны Дадиани, известной своей неутомимой деятельностью в качестве организатора и бессменного председателя Сухумского отделения просветительно-благотворительной организации «Общество распространения грамотности среди грузин», было шесть сыновей и одна дочь. Старший сын Валериан, выпускник Елисаветградского кавалерийского училища в Украине, в русской армии дослужился до ротмистра, участвовал в Первой мировой войне, после которой продолжил службу в новосозданной грузинской армии. В грузинских войсках служили и младшие сыновья — Варлам (Чич), Владимир (Лади) и Николай (Коля) Анчабадзе.

Мой дед, Вианор Тарасович Анчабадзе, в 1908 г. окончил с золотой медалью 1-ю мужскую гимназию в Тифлисе, а высшее образование получил в Петербурге, в стенах Императорской военно-медицинской академии, по окончании которой (1914) был направлен в действующую армию и до конца 1917 г. находился на фронтах мировой войны. На войне началась врачебная практика Вианора Анчабадзе. Будучи старшим полковым врачом и главным врачом сводного лазарета, он добился образцового военно-медицинского обслуживания солдат и офицеров, отличался внимательным и заботливым отношением к больным воинам, проявлял личную храбрость. Был ранен, награжден тремя боевыми орденами.

После развала Кавказского фронта полк, в котором служил мой дед, был выведен в Карабах, где летом 1918 г. свирепствовала холера. Вианор Анчабадзе принимал участие в борьбе с эпидемией. За организацию холерных барачков он получил благодарность от азербайджанского правительства. В конце же года Вианор Тарасович вернулся в Абхазию и сразу включился в борьбу с эпидемией испанки в Гудаутском участке.

В феврале 1919 г. Вианор Анчабадзе был назначен окружным врачом Сухумского округа, а в апреле того же года — начальником медико-санитарного отдела Комиссариата Абхазии. В этот же период он женился на Вере Андреевне Шенгелая. У них родилось двое детей — сын Зураб (мой отец) и дочь Ирина.

Вианору Тарасовичу не была чужда и общественно-политическая деятельность: он сочувствовал эсэрам и был членом Абхазского народного совета. Как член абхазской конституционной

комиссии был делегирован в Тифлис, где имел встречи с Ноем Жордания — главой грузинского государства (1918–1921) и членами правительства.

В феврале 1921 г. в Грузинскую Республику вторглись войска Советской России. Четверо сыновей Тараса Анчабадзе участвовали в военных действиях против большевиков. Особо следует сказать о Валериане Анчабадзе, который был заместителем командующего грузинской группировкой в Абхазии. В арьергардных боях западнее Сухума он сдерживал натиск частей 51-й дивизии 9-й Красной армии, дав возможность основным силам группировки отойти к востоку, и погиб у гумистинского моста, где уже в наше время, в 1992–1993 гг., пролегал главный фронт грузино-абхазского вооруженного противостояния.

После советизации Абхазия была провозглашена самостоятельной советской социалистической республикой, которая несколько месяцев спустя на договорных началах вошла в состав Грузинской Советской Социалистической Республики. В 1931 г. статус «договорной» республики сменился автономным и уже не изменялся до развала Советского Союза.

Первые годы советской власти в Абхазии не были омрачены крупными драматическими событиями. В отношении представителей непролетарских слоев власти проводили «умеренно осторожную» политику. Абхазские руководители во главе с Нестором Лакобой по мере возможности оберегали абхазскую деревню от коллективизации и «раскулачивания». На фоне нэпа жизнь понемногу налаживалась. В таких условиях почти вся абхазская интеллигенция пошла на сотрудничество с новой властью в надежде на лучшее будущее. Вианор Анчабадзе, находясь с 1922 г. на посту начальника Главного курортного управления Абхазии, возглавлял работу по возрождению курортов республики. «Это было время разрухи, — говорится в книге профессора А. Куправа, — нехватки медицинских кадров, оборудования, медикаментов, и в этот сложный период В. Анчабадзе проявил деловитость и колоссальную энергию в работе по восстановлению и развитию санаторно-курортного дела. Благодаря его неутомимой деятельности... за короткий срок были достигнуты значительные успехи»¹. Дальнейшая деятельность Вианора Тарасовича протекала на посту наркома здравоохранения Абхазии, который он занимал дважды, в 1928–1930 и 1932–1937 гг. Как мне известно, он был тогда единственным беспартийным наркомом в Грузии.

Дом, в котором проживал со своей семьей Вианор Анчабадзе, стоял рядом с домом председателя ЦИК Абхазии Нестора Лакобы. Между Лакобой и Анчабадзе, насколько я знаю, особой

¹ Куправа А.Э. Люди: время и жизнь / А.Э. Куправа. — Сухум, 2010. — С. 397.

близости не было (видимо, сказывались различия в биографиях старого революционера и выходца из «бывших»), но отношения были нормальными. Вианор Анчабадзе был членом правительства, которое возглавлял Нестор Аполлонович Лакоба. К тому же их дети — Зураб Анчабадзе и Рауф Лакоба были неразлучными друзьями, учились в одной школе и большую часть дня проводили вместе, в большой компании сухумских ребят.

На сотрудничество с советской властью пошли и младшие братья Вианора Анчабадзе. В частности, уже упомянутые Варлам и Владимир служили в Абхазской красной армии («договорная» республика имела свои вооруженные формирования). В 20-х годах в Советском Союзе, как известно, еще не хватало профессиональных военных кадров и в вооруженные силы привлекались военные специалисты — бывшие офицеры и генералы. Кстати, конным полком Абхазской красной армии командовал родной брат моей бабушки — Варлам Шенгелая, бывший гвардейский офицер, в свое время воевавший против большевиков в рядах Добровольческой армии генерала Деникина, а потом — в грузинской армии.

Такая относительно мирная обстановка сохранялась, однако, недолго. В конце 20-х годов появились явные признаки приближающейся грозы. «Большой террор» в СССР, как назвали западные исследователи кровавые события 1937–1938 гг., своеобразный пик сталинских репрессий, фактически начался в конце 1920-х — начале 1930-х гг. на фоне свертывания нэпа, принудительной коллективизации и ускоренной индустриализации.

С этого времени ужесточение режима ощущалось и в Абхазии, а с начала 1937 г. политические репрессии в автономной республике приобрели систематический характер. Все началось с внезапной смерти Нестора Лакобы, наступившей в Тбилиси при загадочных обстоятельствах (декабрь 1936 г.).

Лакоба был с почестями похоронен в Сухуми, но примерно через месяц его объявили врагом народа, а тело вынесли из склепа и уничтожили. Одновременно стали хватать людей из его окружения — членов семьи (мать, жену, сына) и родственников, ближайших соратников, рядовых сотрудников... Маховик большого террора в Абхазии быстро набирал обороты.

Среди арестованных особую группу составляли несовершеннолетние подростки, дети репрессированных «лакобовцев». В их числе был сын Нестора, Рауф, а также другие друзья и товарищи моего отца — Тенгиз и Кукуша Лакоба, Кока Иналипа. Мальчикам, которым в начале 1937 г. было от 14 до 16 лет, инкриминировалось создание контрреволюционной, террористической молодежной группы, имевшей намерение совершить террористический акт против одного из руководителей ВКП(б).

В связи с делом молодых «террористов» в НКВД вызывали их друзей, школьных товарищей, учителей и др. На допрос был вызван и Зураб Анчабадзе.

Профессор Дж.А. Рухадзе в своих воспоминаниях о моем отце так описывает этот факт: «Перед допросом следователь вытащил из ящика стола маузер, многозначительно покрутил его в руке, положил на стол и начал допрос. Зураб удивительно смело отвечал на вопросы, заявил чекисту, что обвиняемые молодые люди — его друзья, и сказать что-нибудь об их антисоветской деятельности он ничего не может. Зураб особо подчеркнул, что считает недостоверным факт существования антисоветской молодежной организации. Такое поведение в стенах НКВД, тем более 17-летнего юноши, было равноценно героизму. Следователь все скрупулезно записывал, протокол допроса составил несколько страниц. На последней странице было написано всего несколько строк. Он предложил Зурабу подписаться в конце ее. Зураб сообразил, что если поставит подпись там, куда указал следователь, то на свободной части листа могут записать то, чего он не говорил, поэтому размашисто подписался на всю страницу. Следователь саркастически усмехнулся и спросил: “Что, очень опытный?”»².

Рауфа Лакобу и других ребят, обвиненных в терроризме, держали в тюрьмах до совершеннолетия, а потом судили за принадлежность к несуществующей организации и всех расстреляли.

В Абхазии же тем временем репрессии приняла ужасающие формы. В 1951 г. в Мюнхене были напечатаны воспоминания С. Данилова об Абхазии 20–30-х годов XX в., в которых он так описывает ситуацию 37–38-го годов: «После ареста руководителя того или иного учреждения “выяснялось”, что все учреждение или предприятие “засорено врагами народа”. Вполне понятно, что немедленно приступали к беспощадной чистке от “вредителей” и “врагов народа”. Аресту подлежали решительно все: члены партии, комсомольцы, беспартийные, специалисты, научные работники, журналисты, торговые работники (вплоть до продавцов); в селах аресту подвергалась вся местная интеллигенция — о бывших помещиках, зажиточных крестьянах и тех, кто имел какое-либо отношение к члену прежнего абхазского правительства, и говорить не приходится; все они были арестованы и в лучшем случае сосланы на север, в концлагеря, без права переписки.

Арестное помещение в Сухуме и тюрьма были переполнены. Арестованных, после окончания допросов “с пристрастием”, после того как они “сознавались” в совершенных ими преступлениях, ночью массами отправляли в Тифлис, где

² Рухадзе Дж.А. Вспоминая Зураба Анчабадзе / Дж.А. Рухадзе // Зураб Вианорович Анчабадзе (к 90-летию со дня рождения). — Сухум, 2010. — С. 156.

их в ужасающих условиях содержали в известном Метехском замке. Большинство арестованных были все же ликвидированы на месте, в Абхазии. Монастырь в Драндах был приспособлен для содержания в нем множества арестованных»³.

Далее С. Данилов останавливается на судьбе абхазской интеллигенции, сопрягая ее с личной судьбой моего деда: «Особенно сильно отразилась эта чистка на молодой немногочисленной абхазской интеллигенции, — пишет он, — почти вся она целиком была уничтожена. История с доктором Анчабадзе особенно показательна для всей этой эпохи...»⁴.

Вианор Анчабадзе был арестован органами НКВД 10 декабря 1937 г. Обыск, который учинили чекисты в квартире, вылился в тривиальный грабеж. Они собрали вещи, представляющие маломальскую ценность (включая бытовые предметы вроде швейной машинки), в одну комнату и опечатали ее. Потом приехала машина, забравшая «добычу». Насколько мне известно, конфискованные таким образом вещи затем за бросовые цены распределялись между сотрудниками органов. Впрочем, мелкие предметы присваивались и прямо во время «операции». Зураб заметил, как чекист по фамилии Кишмишев вытащил из стоявшего на кухонном столе стакана с медом серебряную ложку, подержал ее над стаканом, наблюдая, как мед стекает вниз, потом обтер ложку клочком газеты и положил ее себе в карман.

Вскоре после этого забрали и Веру Андреевну, а детей выселили из большой квартиры в центре города, предоставив взамен одну комнату в старом доме на окраине.

Моя тетя Ирина незадолго до своей смерти в 2005 г. написала воспоминания о пережитом: «Наше детство закончилось в 1937 году, в декабре, — пишет она. — Взяли отца, через несколько дней арестовали маму. Папу мы больше не видели. А маму отправляли с группой арестованных женщин по ее “крутому маршруту”. Слух о том, в какой день их будут вывозить, каким-то чудом дошел до родственников, поэтому у здания НКВД собралась довольно большая толпа. Двери открылись. Несчастных вывели на улицу. Там же стоял фургон, в который всех погрузили, и он проследовал на вокзал. Эти несколько минут были последними, когда можно было увидеть своих близких. Зураб, стоя за оцеплением, стал подпрыгивать и кричать: “Мама, мама!”

В маминых глазах не было ни слезинки, но что творилось в ее сердце, когда железные двери закрывали фигуру метущегося, зовущего ее, но оставляемого ею сына, я представлять не хочу,

³ Данилов С. Трагедия абхазского народа / С. Данилов // Материалы по истории Абхазии. Вып. 1. — Сухуми, 1990. — С. 13.

⁴ Там же.

не могу. Бессмысленно, но я часто задаю себе вопрос: “Почему? За что? По какому праву? Почему расстреляли отца, за что убили многих моих близких, на долгие годы разлучили с матерью”? Наша жизнь была раздавлена, нас вытряхнули из своих биографий — эти слова Осипа Манделштама обо всех нас, о тех, кто, так или иначе, попал под каток Большого террора.

Вианор Анчабадзе был расстрелян решением тройки в январе 1938 г. До этого, по сохранившимся свидетельствам, в застенках НКВД он подвергался чудовищным пыткам. Рассказывает об этом и С. Данилов: “Однажды я случайно встретил одного моего знакомого, недавно освобожденного после 7 месяцев предварительного заключения в НКВД. Я спросил его, не знает ли он что-либо относительно участи моего арестованного брата. Знакомый тревожно посмотрел по сторонам, покачал головой (“нет”), предложил пойти на бульвар, чтобы там, вдали от людей, он мог бы мне поведать о пережитом. Мы пошли... Ему было известно, что я был близко знаком с доктором Анчабадзе, и именно поэтому он мне передал следующее:

“Однажды ночью двое конвоиров, открыв дверь их камеры, внесли какого-то человека, находившегося без памяти, положили его в угол камеры и ушли, заперев дверь. Мы бросились к нашему новому товарищу по несчастью, но он был так обезображен избиением и пытками, что мы были не в состоянии различить черты его лица. По одежде, однако, можно было предположить, что он и не рабочий, и не крестьянин. Его лицо представляло собой одну сплошную страшную массу. Несчастный приоткрыл глаза и что-то замычал (говорить он не мог). Мы ничего не поняли. С большим трудом ему удалось пояснить нам, что он просит пить. Корчась от боли, с большим трудом, медленно он пил поданную нами воду. Утолив жажду, несчастный прилег на полу... Постепенно мы от него узнали, что он — доктор Анчабадзе. Вскоре его от нас увели. Куда — не знаю... вероятно, “списали”. В определенный час ночи мы слушали гул заведенных машин во дворе НКВД”⁵.

Однако официально о казни не было сообщено. На запросы родных в таких случаях, как правило, следовал стереотипный ответ: «Ваш муж (сын, брат, отец) осужден по 58-й статье, как враг народа, и приговорен к 10 годам лагерей без права переписки». Между тем останки людей, о которых так писали, уже давно лежали в безымянных могилах.

Несчастьем обманутых родственников пользовались разные проходимцы (зачастую бывшие зеки). Выведав адреса людей, родные которых числились высланными без права переписки, мошенники приходили к ним и рассказывали, что

⁵ Анчабадзе И.В. Брат / И.В. Анчабадзе // Зураб Вианорович Анчабадзе (к 90-летию со дня рождения). — Сухум, 2010. — С. 135–136.

в лагерях встретили их родственника, который просил сообщить о себе, что жив и здоров, скоро вернется домой. Обрадованные люди вознаграждали мошенников, чем могли, приглашали пожить у них. А те, приняв приглашение, нередко обкрадывали своих благодетелей и исчезали.

Вера Андреевна семь лет провела в женском лагере АЛЖИР, как сокращенно называли «Акмолинский лагерь жен изменников Родины». В этом огромном лагере сидели несчастные женщины, вся вина которых состояла в том, что они были женами и дочерьми репрессированных людей. Вероятно, бабушка выжила потому, что в заключении работала по своей специальности, была врачом в лагпункте. Однако здоровье свое она подорвала и умерла спустя несколько лет после освобождения.

Из сыновей Тараса Анчабадзе (прадед умер в 1935 г.) в 1937–1938 гг. кроме Вианора были расстреляны также Варлам и Георгий (самый младший из братьев). Владимир и Николай успели бежать из Абхазии и в течение ряда лет скрывались от органов госбезопасности в разных частях Советского Союза. Был расстрелян и муж тети моего отца, Татьяны Тарасовны, Николай Николаевич Акиртава, известный государственный и партийный деятель, участник гражданской войны, член ВКП(б) с дореволюционным стажем. В Тбилиси был арестован и расстрелян единственный брат бабушки, Варлам Андреевич Шенгелая, к тому времени уже уволенный из армии.

Я могу поведать также о бедствиях семьи моей матери в годы Большого террора, но это будет уже другая история.

ДЖЕРЕЛА

1. Анчабадзе И. В. Брат / И. В. Анчабадзе // Зураб Вианорович Анчабадзе (к 90-летию со дня рождения). — Сухум, 2010. — С. 131–145.
2. Данилов С. Трагедия абхазского народа / С. Данилов // Материалы по истории Абхазии. Вып. 1. — Сухуми, 1990. — 33 с.
3. Куправа А. Э. Люди: время и жизнь / А. Э. Куправа. — Сухум, 2010. — 456 с.
4. Рухадзе Дж. А. Вспоминая Зураба Анчабадзе / Дж. А. Рухадзе // Зураб Вианорович Анчабадзе (к 90-летию со дня рождения). — Сухум, 2010. — С. 152–164.

REFERENCES

1. Anchabadze, I. V. (2010). Brat. Zurab Vianorovich Anchabadze (k 90-letiiu so dnia rozhdeniia). Sukhum, S. 131–145 (in Georgian).
2. Danilov, S. (1990). Tragediia abkhazskogo naroda. Materialy po istorii Abkhazii. Vypusk 1, Sukhumi, 33p. (in Georgian).
3. Kuprava, A. E. (2010). Liudi: vremia i zhyzn. Sukhum, 456 p. (in Georgian).
4. Rukhadze, Dzh. A. (2010). Vspominaia Zuraba Anchabadze. Zurab Vianorovich Anchabadze (k 90-letiiu so dnia rozhdeniia). Sukhum, pp. 152–164 (in Georgian).

Georgii Anchabadze

TOTAL TERROR IN THE USSR. THE HISTORY OF ONE FAMILY

It is a kind of memoirs. The author, using his historical professional skills, presents the reconstruction his family's fate in the historic context of the first half of the 20th century. Personal biographies are inscribed in the history of Georgia from the collapse of the Russian Empire to the gradual establishment of a totalitarian regime between two world wars. Particular attention is paid to the fate of the intelligentsia of Abkhazia during the total terror of the 1930s in the Georgian SSR and its autonomous republic of Abkhazia. Information about the tragic fate of individual victims of state terrorism helps to grasp deeper the scope and content of political repression under totalitarianism. A personal view of the events almost a century ago has brought it closer to the present.

Key words: Georgian SSR, Autonomous Republic of Abkhazia, Anchabadze family, totalitarian regime, repression.

Дата надходження статті до редакції: 27.08.2017.